

**Ф. Ф. ПЕРЧЕНОК, А. Б. РОГИНСКИЙ,
М. Ю. СОРОКИНА**

**[Вступительная статья к:
Д. И. Шаховской. Письма о Братстве]**

Историкам русского либерализма хорошо знакомо имя князя Дмитрия Ивановича Шаховского (1861—1939) — одного из создателей Конституционно-демократической партии, члена Временного правительства. Для исследователей русской культуры Д. И. Шаховской — это прежде всего знаток П. Я. Чаадаева, изучением которого он занимался на протяжении всей своей сознательной жизни. Имя Шаховского не обходит ни один биограф В. И. Вернадского: это его ближайший друг, начиная со студенческих лет¹. <...>

В течение многих десятилетий развитие духовных и политических воззрений Шаховского, формирование стиля его личного и общественного поведения проходило в тесном кругу друзей-единомышленников, объединившемся в середине 1880-х годов и именовавшем себя Братством*.

Это сообщество сложилось в Петербурге в основном из студентов и курсисток. 1885 год — год оформления Братства — стал и временем осознания им себя как «коллективной личности» (в духе Вл. Соловьева). Центр Братства с самого начала

* О Братстве см.: Корнилов А. А. Воспоминания о юности Федора Федоровича Ольденбурга // Русская мысль. 1916. Кн. VIII; Гревс И. М. В годы юности: За культуру // Былое. 1918. № 12; 1921. № 16; Вернадский Г. В. Братство «Приютино» // Новый журнал. 1968. Кн. 93; 1969. Кн. 95–97; Аксенов Г. П. Сила братства // Природа. 1988. № 2; Он же. «И все великое не сон...» // Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1988. Т. 15; Борисов В. М., Перченко Ф. Ф., Рогинский А. Б. О социально-психологических источниках учения В. И. Вернадского о ноосфере // Механизмы культуры. М., 1990².

оказался четко очерченным. Наиболее устойчивое и долговременное ядро составили Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, И. М. Гревс, А. А. Корнилов*. — Организованного членства не было («У нас братство без присяги», — подчеркивал Шаховской). Кого считать «братом» — эту границу друзья проводили по-разному.

Дружеская «компания» (тоже самоназвание), составившая ядро Братства, зародилась еще раньше, в начале 80-х годов, и сначала состояла только из студентов университета. В конце 1884 г., незадолго до окончания большинством из них курса наук, друзья договорились купить в будущем небольшое имение, куда они могли бы съезжаться и обновлять свое общение. Этот уголок своей земли должен был стать и местом отдыха, и убежищем в возможных превратностях судьбы. Ему заранее дали имя — Приютино. Копили для Приютина капитал, подбирали конкретное место в русской провинции, обсуждали все детали. Обстоятельства помешали осуществить намерение, но за 3 года «приютинских» забот вокруг этой идеи сплотился тесный кружок молодежи.

Некоторое время «Приютино» и «Братство» различались (хотя и немного) как по составу участников, так и по поставленным целям, но к концу 1887 г. они полностью слились (что позволяет нам употреблять эти термины как синонимы). На разных этапах развития «компании» «Приютина» и «Братства» кто-то присоединялся к ним, а кто-то постепенно отходил (или — крайне редко — резко «отщеплялся»).

Основой, скреплявшей их союз, были общие идейно-нравственные начала. Но, сверх того, Братство было пронизано личными дружескими связями, родственными отношениями братьев—сестер (Ольденбурги, Корниловы, Тимофеевы, Зарудные-Старицкие), а затем и мужей—жен (М. С. Зарудная вышла за И. М. Гревса, А. Н. Сиротинина — за Д. И. Шаховского, Н. Е. Старицкая — за В. И. Вернадского, А. П. Тимофеева — за С. Ф. Ольденбурга, Т. А. Корнилова — за Н. В. Харламова).

Основывая Приютино, члены «ольденбургского кружка» (так называли «компанию» со стороны) договорились встречаться ежегодно 30 декабря. Кто не мог приехать, — должен был отправить письмо остальным.

* *Корнилов* Александр Александрович (1862—1925) — историк, секретарь ЦК Конституционно-демократической партии³; *Ольденбург* Федор Федорович (1862—1914) — педагог, деятель народного образования; *Ольденбург* Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, академик, непреходящий секретарь Академии наук⁴.

Первая встреча 30 декабря состоялась в 1885 г. Последняя, точно приуроченная к традиционной дате (по новому стилю — 12 января), в 1938 г.* Но и собрание у Вернадских 25 января 1941 г. было типично братским и по составу (В. И. и Н. Е. Вернадские, А. Н. и А. Д. Шаховские, Н. Д. Шаховская-Шик и ее сыновья, Г. Е. Старицкий), и по содержанию (чтение старых писем и стихотворных посланий Шаховского): «Чтение его писем заменяло его отсутствие, как будто он сам говорил с нами, его манера говорить, его язык, его выражения...» Эта встреча «трех поколений» Братства, посвященная памяти погибшего в НКВД Дмитрия Ивановича, фактически оказалась последней.

Начальная эпоха Братства (80—90-е годы) — время выработки его членами «программы жизни» и первых серьезных попыток ее реализации.

Особенно много значил для них в эту пору голос Толстого. Его «не противьтесь злу насилем» воспринималось ими как «творите, а не разрушайте», «не прибавляйте разрушения к разрушению». Влияние Толстого явственно прослеживается и в программном документе Братства «Что нам делать и как нам жить?», написанном Шаховским в 1886 г.

Шаховской исходил из трех «аксиом» (положений, которые, как он считал, в кругу приютинцев не нуждаются в доказательствах): так жить нельзя; все мы ужасно плохи; без братства мы погибли. «Русская молодежь, — писал Шаховской, — давно уже чувствует, что *так жить нельзя*. И под влиянием этого сознания она набросилась на существующую жизнь и хотела ее насильно уничтожить. Она не понимала, что если *так жить нельзя*,

* Последний по времени документ Братства был написан в 1944 г. В живых к тому времени оставались двое — Вернадский и вдова Шаховского, Анна Николаевна. Ей было 84 года, Вернадскому — 81. Поздравляя его с «юбилеем», она, видимо, сбилась со счета лет: «Теперь в Тебе одном воплощаются наши приютинские мечтания служить не только своему народу, своей родине, но и всему человечеству, всему миру. Невольно возвращаюсь к первому источнику, нас всех связывавшему и давшему первый толчок всему нашему кружку, — *Mime*, он первый выступил на этом поприще и шел безукоризненно по этому пути. Всякий раз поздравляя Тебя — поздравляю и его мысленно, и всех тех замечательных людей, как оба брата Ольденбурги и другие. Всей душой чувствую, какое счастье было знать таких людей, касаться их, разделять их мысли и взгляды. Для меня Твоя работа и Твой юбилей — юбилей всех приютинцев, всего нашего Братства. И всегда с великой благодарностью к Творцу Вселенной вспоминаю их всех и Твою Наташу. Твоя по Приютину любящая сестра Анюта Шаховская».

то это прежде всего значит: *МНЕ* необходимо зажить как-то иначе». По мнению Шаховского, революционное движение в России как «общее дело лучшей части молодежи» кончилось, ибо стало ясно, что «и так — убивая и стремясь убийством уничтожить теперешнюю жизнь, стремясь, в сущности, лишь к водворению или уничтожению некоторых внешних форм — *ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ*». «Борьба была внешняя, и связь требовалась внешняя: партии, комитеты, дружины». «Теперь нужно *братство* как свободное и любовное соединение людей, преследующих одни цели и работающих вместе».

Письмо Шаховского аккумулировало ранние размышления внутри дружеского студенческого кружка («компания») о способах выхода из того тупика, в котором оказалась русская интеллигенция, и особенно молодежь, после первомартовской катастрофы, когда революционная пропаганда выглядела очевидно неуместной, торжество власти казалось отвратительным, кровь — и с той, и с другой стороны — заставляла отшатываться и от правых, и от левых. Разраставшемуся в этой смутной атмосфере нравственному кризису приютинцы противопоставили единение в Братстве («Одному нельзя жить среди людей, которых жизнь кажется бессмысленной и которых жизнью решил не жить» — Д. И. Шаховской), совместную выработку жизненных принципов, основанных на началах доверия, любви и труда, совместное (хотя бы и на различных поприщах) служение этим идеалам, проведение их в мир, с тем чтобы они стали достоянием *всех*. Процесс такой работы должен был сопровождаться духовным ростом Братства и каждой личности в нем, их взаимопроникновением и взаимовлиянием, их свободным развитием, не втиснутым в узкие рамки политических (безразлично — революционных или государственно-бюрократических) структур.

Становление «приютинской идеологии» не было явлением, изолированным от эпохи. Оно происходило в тесной связи с исканиями интеллигенции последней трети XIX века, когда мыслители самых разных направлений (В. В. Берви-Флеровский, Вл. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, на Западе — О. Конт и многие другие) были встревожены проблемой «уединяющегося человека» (Ф. М. Достоевский) и стремились найти пути к преодолению «небратского состояния» мира*. В этом контексте особен-

* Ср. название соч. Н. Ф. Федорова: «Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства».

ностью приютинцев был не сам факт обращения к идее братства, а сочетание интенсивного осмысления многочисленных проблем, связанных с этой идеей, и постоянной потребности реализации выработанных идеалов в своей повседневной практике. Дальняя цель виделась в «братстве человечества»; думали приютинцы и над возможностями «организации отдельных братств, т. е. тесно сплоченных групп людей» (Ф. Ольденбург), о необходимости налаживания связей между ними (при этом внешние формы братств, с их точки зрения, могли быть любыми — артели, коммуны, кружки интеллигентов и т. д.), но прежде всего их волновали поиски живого конкретного общего дела, которое они могли бы делать вместе — немедленно, сейчас.

Таким важнейшим общим делом приютинцев в 80-е годы стали: студенческое научно-литературное общество Петербургского университета, сплотившее молодежь вокруг ценностей науки, образованности, уважения к личности (и оставшееся уникальным не только по уровню самоорганизации, но и по составу: более 20 его участников стали членами научных Академий), кружок народной литературы (тематические издания книг, комплектование библиотек и составление указателей литературы для народного самообразования), откуда вышло немало известных впоследствии деятелей книги, комитет грамотности, школьное дело... В этой общей работе укреплялось счастливое чувство братской общности: «Чувствуешь себя какой-то нераздельной частью чего-то *живого* большого — отдельные части которого работают и бьются где-то в других местах, но все они соединены неразрывно крепкою цепью <...> Братство в обществе является отдельной своеобразной “личностью”» (В. И. Вернадский, 1888).

Это самоощущение Вернадского, характерное и для других членов Братства, нисколько не означало растворения индивидуального начала в коллективе. Идеал братских отношений, к которому стремились приютинцы, предполагал гармоническое сочетание коллективизма и индивидуальной свободы, при этом одной из высших ценностей всегда оставалась духовная автономия, независимость каждой входившей в Братство личности («Бережение личности» — любимое выражение Вернадского). «Личность, ее достоинство и *свобода* как воплощение этого достоинства, и *культура* как орудие ее развития, свобода и культура для *всех* и работа за всех — то были элементы “декларации прав”, входившей в жизнь молодого союза» (И. М. Гревс, 1921)*.

* Былое. 1921. № 16. С. 140.

На этом первом этапе жизни Братства его члены сознательно отказывались от политической деятельности. В письме от 30 декабря 1887 г. Гревс, осмысляя пройденный за два года путь, вспоминал о самом начале Братства: «Идеал политический отступал у нас на задний план, взамен его выступал идеал нравственный. <...> Можно даже сказать, что по политическим симпатиям мы были довольно разрозненны и неопределенны, но душевный наш строй, одинаковый необыкновенно, сильно проникал нас всех и сковал нас быстро в довольно крепкую группу, одушевленную общим чувством и готовую идти по дороге, куда это чувство толкало, и по мере движенья выяснить, *что делать*».

Приютинцы были одушевлены верой в прогресс, культурный и общественный, орудиями же борьбы за него видели воспитание (самовоспитание) личности, науку, просвещение, наблюдение за жизнью народа и посильное воздействие на нее. Однако конкретная работа — университетская, научно-организационная, земская, по народному образованию, помощь крестьянам во время голода (1891—1892 гг.) — на каждом шагу сталкивала их с политической реальностью, заставляла искать новые, действенные пути преобразований, неизбежно вела к прямому участию в борьбе за гражданские свободы. Развитый общественный темперамент не позволил им удержаться в рамках природных установок Братства и заставил выйти на политическую арену. Уже к середине 90-х Братство — один из идейных центров формирования русского либерализма. И хотя профессиональным общественным деятелем из приютинцев сделался один Шаховской, но все шестеро «коренных братьев» были (в разной степени) причастны к работе «Союза освобождения», все стали активнейшими членами Конституционно-демократической партии от самого ее зарождения. Путь от Братства к созданию этой партии казался столь органичным, что Вернадский вспоминал: кадетом он стал «незаметно», «бытовым образом», в тесной дружеской среде. Именно борьба за свободу виделась приютинцам первоочередным общим делом с 90-х годов XIX века до самой эпохи Второй русской революции.

Четверть века, отданные этой борьбе, неминуемо изменили очертания духовной работы приютинцев. Участие в общественном движении требовало постоянного внимания к сиюминутным политическим проблемам. Не менее важной была и напряженная профессиональная работа, которую вел каждый в отдельности; возникало и множество новых человеческих связей за пределами «Приютина», и конкретные задачи (политические, научные, общественные, педагогические) решались в со-

юзе с этими новыми знакомыми и друзьями. Каждый совершал свою «работу жизнью» (выражение Вернадского), но шла она все в том же «братском» направлении, которое было сообщено намечено в юности.

Братская общность и вытекающие из нее установки вновь вышли на первый план в жизни приютинцев в середине 1920-х годов. С. Ф. Ольденбург в 1927 г. признавался, что жизнь лишь «внешне разорвала» связи Братства, «но внутренне мы сохранили эту связь до настоящего времени, когда в живых остались уже немногие из нас». О том же писал и Шаховской: «Я всегда чувствовал, что мы все продолжаем жить вместе и участвуем как живой вечный коллектив в жизни каждого из нас. Чувство это могло быть то сильнее, то слабей, но оно всегда *было*». Им было ясно, что следует продолжить совместное «осмысление жизни» (термин Шаховского), т. е. определить место сегодняшнего дня в историческом процессе (русском и мировом), отыскать в настоящем зерно будущего (вера в прогресс в них отнюдь не исчезла), найти способ служения ему. Во многом это было возвращение к себе, к исканиям молодости. Шаховской прямо заявлял: «Борьба с самодержавием была только эпизодом в жизни нашего братства; этот эпизод в главном закончен, и мы снова возвращаемся к своей основной задаче».

Попытка возрождения Братства в эту эпоху происходила на фоне широкого движения русской интеллигенции (уже устраненной с политической, но еще не окончательно с общественной арены деятельности) за сохранение культуры. Братство выделялось здесь широтой поставленных задач, стремлением превратиться в такую общественную силу, которая могла бы распространять свое влияние в общенациональных масштабах. Общее дело приютинцев в 20-е годы — создание «вольной народной российской академии» — массового краеведческого движения, которое должно было объединить (и объединило) тысячи интеллигентов в разных концах страны. В этой работе в разной степени приняли участие все члены Братства.

Послереволюционная эпоха в жизни Братства — это время попыток «делать дело, которое останется при всех переменах». Оно вобрало в себя, помимо краеведения, еще и работу над декабристами и Чаадаевым Шаховского, над книгами по медиэвистике и биографией Тацита — Гревса, подвижническую научно-организаторскую деятельность Ольденбурга. В эти же годы Вернадским создавались его главные труды. <...>

